

Информант: Тынянко Мария Семеновна, 1933 г.р., Херсон.

В Крыму с 1934 года (сначала в Карасубазаре, а с 1937 в Ак-Шейхе – современный пгт. Раздольное).

Интервью записано АР Крым, ПГТ Раздольное, 8.08.2006

Собиратели: А.Страхова, Т.Величко

Расш.: А.Страхова

(В скобках указаны вопросы собирателей)

(Здравствуйте еще раз, мы вчера приходили, а Вас не было, мы думаем, ну, сегодня придем. А Вы уезжали, да?) Я до сестры, она в больнице лежит. Так я на два дома, и тут, и там. Сегодня уже деда отправила, он ездил туда. (Понятно). Что вы узнали, где вы ходили? (Ну, мы еще одного человека нашли, с ним говорили, он тоже много рассказал, знал, но он был из района). Не раздольненский. (Не раздольненский, да, а из района, но знает, люди знают, старые жители – они знают, конечно). Но есть старые, да? (Конечно, есть, но их мало, да, потому что все жители, которые пожилые в Раздольном, они, как правило, мы заметили, приехали из России, и уже в годах 60-70х, вот тогда уже. Таких много). А они не знают ничего?

1:00

(Да, не знают. Ну, Вы можете сейчас нам рассказать). Что вас интересует? (Ну, вот сейчас, мы сосредоточимся. Ну, вот, как начиналась Ваша жизнь, вот, детство. Вы сами из Раздольного?) Я с Херсона, но, я ж говорю, мы жили в Белогорске до 37го года. Я с 33го года, а с Херсона мы уехали, мне было полтора годика, когда мы уехали в Белогорск. Короче говоря, мы не уехали, нас мама на тачке тянула с самого Херсона до самого Белогорска. Отец работал в Белогорске. Это 33й год, 34й это ж голод был. Вот. Машины тогда, поезда не знаю, ходили – не ходили, я не имею понятия, но знаю, что мама нас на тачке... Ой, что-то залезло. Она нас тянула до самого Белогорска на тачке.

2:00

Ей говорили, чтобы она нас оставила в покое. Вот видите, какой. (Ой, колорадский). Нет, это не колорадский. (Майский). Клоп, это клоп. (Ой). Я лазила там, в огороде. (А, в огороде). Вот она меня тащила, брата самого старшего, с 30го, с 28го брат, потом с 30го и я с 33го. Вот она нас троих тащила. До Джанкоя дотянула нас тачкой. Днем, где работала где-то, чтоб нас кормить, вот, в какую-то деревню заедет, а ночью тянет нас на тачке по дороге прямо. В общем, маме досталось. Но до Джанкоя дотянула нас, и ей там такая-то женщина, тоже работала, и говорит: «Здесь есть детдом, оставьте их в детдоме». Мама уже вроде как согласится оставить нас, то она ее так уговорит, она уже соглашается.

3:00

Говорит: «Приду, посмотрю, вы все такие вот худые, - говорит, - страшные, думаю, ну, все, оставлю, они там помрут. Уже умирать буду, так буду с детьми умирать, не оставлю их». И она нас оставила в Белогорске, там отец работал на инкубаторе, там ему выписывали яйца, и так нас вытянули немножечко. А уже в 37м году мы сюда переехали, в Раздольное. Отец здесь токарем работал. Ну, вот такая жизнь, жизни не было хорошей. Такая жизнь была. (А Белогорск Вы не помните?) Ну, немножечко помню, чуть-чуть помню. Помню, как в сад за яблоками ходила, больше ничего не помню. А знаю, что такое платье у меня было. Я так сюда наберу яблок, братья на деревья лазили, а мне кидали с дерева, и я наберу, и таскала домой вот это яблоки. Больше ничего не помню я там. Речку помню. Я так больше ничего не помню. (А с кем Вы дружили в Белогорске? Друзья были у Вас какие-то?) У меня, нет, не было. (Девчонки-мальчишки?) Нет, не было. Мы как-то жили на окраине.

4:00

Там инкубатор был, как-то в стороне мы там жили, там никого не было. (А когда вот уже в Раздольное переехали, Вы помните Ваш дом?) Помню, конечно. Вот, где сейчас, как вам сказать, сейчас расскажу вам, где мы жили. Мы... вообще нас... много мы меняли квартиры тут. У нас семья уже

большая была, уже Алька родился. Алешка родился в Белогорске, потом в Раздольном сестра у меня еще родилась меньшая, которая сейчас вот в Симферополе в больнице лежит. Нас уже пятеро было, мама, папа – семь душ. Вот. А один отец работал, мама не работала, потому что не могла она работать. Нас-то куча. Вот. То мы жили, вот, где столовая, она шас, ну раньше она чайная называлась, а теперь она вот кулинария. Вот цветы где продают, вот на улице видели, там цветы продают женщины? (Это на центральной?) Да, на центральной. И вот это столовая, а за этой столовой вот так дом стоит поперек. Вот.

5:00

Мы с той стороны жили. Там нас много жило семей, там, наверное, человек восемь семей жило в этом доме. Ты там жили. Это в 41м году мы там жили, потому что дядю Петю забирали в армию с этого дома, мамино брата. Это в 41м году, а потом еще, не знаю, год-два прожили, не знаю, сколько мы жили, нам дали другую квартиру, вот, где Черняк. Когда Черняка выслали, не выслали, они уехали, вот, нам дали эту квартиру, мы там жили. (Уже во время войны, да?) Да, во время войны мы уже жили там. (А кто такие Черняки? Чего их... почему они уехали?) Они евреи были. Вот они убежали, скрылись, потом приехали, после войны приехали, и нас взяли прямо за шиворот и выкинули с этой квартиры. Сказали, эта Рая, Рая, хозяйка этого дома, Исаак Ханонович тот нет, тот нас не выкидал он нас, все говорил: «Рая, не надо, подожди, разберемся, все, им дадут где-то квартиру, потом они уйдут, и мы переедем».

6:00

Она нет, прямо наши вещи, выкидала, и все. «Это мы здесь жили, это наша квартира», и все. Ну, а нам дали, рядом дом стоял пустой, нам там дали квартиру. (А когда они вернулись, в каком году?) Не знаю, не помню я. (Уже после освобождения, да?) Да, уже тогда наши были. (А Вас, получается, в военное время в ту квартиру, да, заселили?) Да-да, в войну туда. (А много таких было евреев, что покидали свои дома и уезжали?) Я не знаю евреев, не

знаю, вот не знаю. Знаю только одну Чернячку, больше никого не знаю. А в этом, где вот, в черняковой квартире жили, так, я ж говорю, немцы к нам приходили, эсесовцы. (Да?) С железяками весь на груди. (Где железяки были?) На груди вот так. (Железяки?) Да, такие у них были полукруглые, как эсесовцы. Вот. (А что это было такое? Можете описать?) Ну, я не знаю, там что-то написано по-немецки было.

7:00

Ну, знаю, что вот так полукругом, вот так. (Полукруглая, да?) Да, на цепи такой вот, на шее они висели. Ну, мы знали, кто идет с такой этой, мы знали, что это эсесовцы. Все говорили, что это эсесовцы. Ну вот. Они к нам заходили несколько раз, искали в Германию, чтоб кого забрать. Ну, старшего брата мы прятали на чердаке в МТСе, а этот, меньший, который с 30го года, мама на него одевала старую фуфайку, какую-то такую, тряпки на него, и он сидит и морду скривит вот так свою. Вот. Они: «Век, не, не подходит нам». (Думали, что старик?) Не старик, думали, что он больной. Так что они не брали его. А так у нас в соседей позабирали девочек, позабирали в Германию, и так и не вернулись. (Не вернулись?) У-у, троих знаю. Хоботову Маню забрали, Молю забрали, вот не знаю, как ее фамилия, рядом дом у нас был, и еще девочку с этого же дома забрали.

8:00

Эти не вернулись. И Хоботова не вернулась тоже. (А Вы помните дом вот этих Черняков или как? Еврейский дом?) Ну, а чего не помню? Он общий дом, на несколько помещений. Вот он за сельским советом, где сейчас сельский совет, за сельским советом стоит. Мы жили вот с этой стороны, с этого бока, с этой жила Эмирова, с этой стороны жила Халиляева. (А кто это были?) Татары. (Татары, да?) Да, их выслали. (Их тоже выслали, да? Ну, это их уже после войны выслали?) Нет, по-моему, их в войну выслали. Я вот точно не помню. У меня дед все знает, а я, вот эти вот, я никак не могу, вот, когда их забирали, когда их выслали. Ну, я знаю, что наши русские.

9:00

Наши русские приехали машинами, такие большие, крытые машины были, военные машины. Вот. И маме сказали они, что: «Будем сегодня татар вывозить, вывозить будем». Так вот это я хорошо знаю, видела этих солдат. Ну, а так как мы жили, бедно жили, вообще-то мы бедно жили, потому что у нас семья большая была, отец один работал. Вот. Так тяжело, очень тяжело было. И голод, и холод, это... Топки не было, сейчас газ, уголь, а раньше этого не было. Мне было, вот, вот такая была, ходила за соломой в лесополосу. Ну, в степа ходила за соломой, набирала мешки, или связывала так этим рулоном и на плечи, носила, топили мы этой соломой. Вот. Так что нам доставалось как куцым. (Но соломы, наверное, надолго не хватало? Она же быстро горит). Ну вот сидишь все время вот так, такая вот кочережечка, и вот туда возьмешь,

10:00

так эта кочережечка, дальше сунешь, и сажа летит, и все черное, и все... Та не бай Бог! Так жили, не дай Бог! Щас все есть: и газ, и машины эти стиральные есть, и все есть. А раньше ж ничего этого не было, все вручную. Мыла не было, варили мы мыло сами, с яиц мама крутила нам мыло, чтоб потом умываться, купаться. (Из яиц?) Да, яйца, желтки. (А как это?) Ну какой-то порошок, она еще туда добавляла, вот это, как же он называется? Не знаю, забыла уже. Как хрусталь. Как хрусталики оно застывает. Ой, как же называется? Забыла. И она это понабивает туда, растворяет, потом туда яйца, и вот сидим, вот так крутим, крутим. Ну какой-то палочкой крутим-крутим-крутим, оно густеет-густеет-густеет, а потом выливает в какие-то посудыны, оно застывает, еще одеколону туда нальет, чтобы оно пахло. И было такое мыло у нас, да.

11:00

А стирали золой. Из подсолнуха зола. Вот эти палки подсолнуха. Знаете, что такое подсолнух? (Ну конечно, конечно). Вот эти палки перепаливали отдельно их где-то в костре. Это котенок. (Ой, хороший такой!) И заливали водой, вода отстаивалась, и вот этой водой мы стирали, мыла не было. Клопы

были, вши были, девочки, не дай Бог! Вспомнить есть что. (Это во время войны?) Во время войны, да, во время войны. (А вот подружки у Вас были здесь уже, в Раздольном?) Была у меня, две было подружки. Майя Чумаченко была, она где-то в Симферополе живет, если жива, я не знаю. И Шура Подгорная. Две подружки были. Шура умерла, она еще кума моя, а Маичка не знаю, жила в Симферополе, лет пять тому назад я ее видела, больше не видела. Две подружки у меня было, а так без подруг была. (Ну, Вы с ними гуляли на улице или еще с кем-то?). С ними, ну, ребята, такие вот подростки.

12:00

Раньше, я не знаю, сейчас как-то вот смотришь, эта молодежь, нет таких игр, как у нас были. Мы играли, это у нас был, по радице еще играл, по улице у нас радица есть, играло. По радице гимн играют, мы должны быть уже дома, если на секунду опоздал, уже отец и мать не пустят, не пускали нас на улицу. Так вот ото так: как только начинает гимн, мы галопом, бегом домой. А играли в жмурки, в третьего лишнего, потом там еще игры были такие вот. Как нахлыщат нас поясом по заднице хлопцы, прямо аж сесть больно. (Это игра такая?) Да, игра была, да, интересно. (Очень интересно, расскажите, за что?) А вот мы не знали, ну вот какой-то, такая игра, я щас уже еще точно не помню, но знаю, что становимся так у круг, и вот кого-то должен он выбрать. И вот, кого выбирает, значит, хлещет поясом сзади, где по спине попадет, где по попе попадет.

13:00

Аж согнешься, аж закричишь. (Ничего себе!) Да, играли, нравилось. Клубов не было, ничего такого не было. Один у нас тут был Колька Шешеня, на гармошке играл. Так вот мы под эту гармошку, вот так пыль по колено, танцевали. Придем все черные. Уже, когда идем гулять, так мы уже знаем, что корыто воды наливаем себе. Она холодная, приходишь, залезишь и то корыто и обмываешься. (Это Вы ребенком еще были, уже подростком?) Уже подростком была, подростком уже была. (А кто жил здесь в Раздольном до войны, во время войны, какие народы?) До войны здесь были немцы, это был

татарский Ак-Шеих. Это немецкий Ак-Шеих, вот это называлось немецкий Ак-Шеих, Раздольное. А рядом была деревушка маленькая – татарский Ак-Шеих был, вот сейчас, где Червонное. Здесь вот рядом.

14:00

(Где Червонное?) Да. Это был татарский Ак-Шеих. Ну, кто здесь жил? Немцы жили, болгары жили, поляки жили, все жили, евреи жили, татары жили, русские, украинцы, много людей здесь было. (И дружно жили между собой?) Дружно, нет-нет, никаких не было драк, ни убийств не было, ни ограблений. Мы не имели никогда понятия на ночь двери закрывать, никогда не закрывали. Или куда-то уезжаем или уходим, в Евпаторию надо было ехать, добираться двое суток, потому что пешком идешь, кто-то тебя подвезет немножко, кто-то пешком, где-то пешком идешь, то на веревочку закрыли, завязали, и вот так гвоздик загнули, закрыли на гвоздик и поехали. Никто никогда не зайдет, ничего не возьмет, а теперь страшно. Мы живем в одном доме с наркоманами. Продают наркотики. Страшно. (Конечно). Страшно! Когда вот тут придут вот такие вот все.

15:00

Это ужас! (А на каких языках разговаривали здесь до войны люди?) Ну, татары по-своему говорили, русские вместе с украинцами... не поймешь, то ли русский, то ли украинский язык, вот как я разговариваю. Я ж не по-хохлятски говорю, и не по-русски чисто. Смешанный. Вот так. Неплохо было, конечно, спокойно. У нас район был очень спокойный, хороший. Вот только, что в войну вот такие были предатели, выдавали много, порасстреливали. (А что за предатели?) Полицейские, полицейские, да. Наши, наши, русские полицейские были. Брысь! (Да, ничего, пусть лезет. Какой хороший! Хоть кошку погладить). Такие были предатели, особенно был, я ж говорю, вот эти вот, Черныш. (Черныш?) Черныш, да, был. Заядливый был полицейский. Его посадили, когда наши пришли, его судили.

16:00

Дали ему 10 лет, и он не вернулся с тюрьмы. Там, наверное, его и убили где-то. Там тоже ж не любили этих полицаев. Потом вот этот, Иван Гаври... Гавриленко, нет, не Гавриленко. Как же? Та, по-моему, Гавриленко. Вот. Так он работал на наших. Он был полицай, но он работал на наших. Он ни одного человека не выдал, ни одного человека не выдал. Думбровский был. Но Думбровский этот прям там, в комендатуре, у них и был, с немцами. Но все равно, когда немцы отступали, его не взяли. Бросили его, его повесили. (Повесили?) Угу, три дня висел. (А кто повесил?) Наши, наша армия. (Армия зашла?) Как только зашла, прям сразу схватили их, вот этих всех, кто пооставался, и всех судили. Им по 10 лет дали, а его повесили. (А что он такой был жестокий?) Ну, он всех предавал, он всех буквально предавал.

17:00

Всех вот этих по колхозам председателей, они ж партийные все были. Там и председателей, там где-то кто-то. Ну, в общем, всех, кого знал, партийных. Потом, он же и сам был партийный до войны. (Да?) Да, и сам был партийный. Потом сдался немцам и начал сдавать всех. Вот паразит такой был, не дай Бог! А у него, по-моему, сын в Симферополе какой-то большой чин. (Сейчас?) Да. Он когда-то приезжал в школу. Я знаю, говорили, что приезжал в школу, что-то детям, ну, рассказывал. Правда, что он мог рассказывать? Не имею понятия. Говорят, что в Симферополе он живет. (Так он до войны где работал, этот партийный?) Этот Думбровский? (Да). Я даже не знаю, где он работал. Где-то, наверное, в райисполкоме работал, наверное, в райисполкоме где-то, потому что он такой шишкой был.

18:00

(А потом перешел на сторону?..) А потом на сторону немцев перешел, да. (А вот эти, которые были полицаями, заставляли немцы работать на себя или они сами шли? Как становились?) Сами шли, сами шли. Кто их заставлял? Кто их заставлял? Они много выдавали людей, много порасстреляли. И местные здесь, и из колхоза. Но в особенности из колхоза выбирали много людей. (А кого они забирали? Кого они предавали?)

Партийных, партийных. (Партийных только или еще кого-то?) Ну, я знаю? Кого, когда загремело, того и выдавали. Мою маму за гусенка чуть не побили немцы. Плеток, чуть плетки не дали ей. (За гусенка?) Да. Беляев у нас был полицейский, и рядом с нами он жил, ну, в следующем доме. А я, это, игралась на улице, и гусята ихни ходили, и я взяла, кинула на того гусенка камушек, и камушек вот такой вот кинула, как сейчас помню, вот такой камушек, и он захромал, и пошел, и пошел.

19:00

А ей кто-то сказал, что это Маша кинула камушек и прибила твоего гусенка. Так она заскочила во двор, маму за грудки взяла, начала трепать ее, и говорит... (Это кто?) Полицейского жена. И говорит: «Щас я тебя в комендатуру поташу, пусть тебя там, - говорит, - научат, как детей воспитывать». Вот. И мама начала просить вот у Беляева, ее мужа-полицейского, говорит: «Я тебе, у меня ж есть гуси, я тебе всех гусей отдам, только, - говорит, - не сдавай меня в полицию». То мама отдала своих гусей ему, и они нас... ото маму не сдали, и не побили, а так бы побили ее. Прибили бы. (Так, может быть, они и хотели, чтобы гусей Ваша мама им отдала?) Ну, наверное. Ну, я сама виновата, не надо было камушком бросать. Ну, как дитё еще была. (Ну да. Так, а получается, что полиция были наши или татары?)

20:00

Наши, наши. Татарина ни одного не знаю. (Да?) Все только наши были, наши были, русские. (А Вы помните, как началась война? Как узнали, что война началась? Как появились немцы?) А мы сидели в доме, дядя Петя был, это мамин брат меньший, отец был в доме, когда по радио объявляют, что началась война. Мама начала плакать и говорит: «Боже, це вас позабирают на войну, шо мы будем, - говорит, - делать? А немцы пустят, - говорит, - газ, и подушат нас всех». А он еще так со смехом говорит: «Лида, ну чего ты боишься? Макитру на голову надень, и ніякий тебе газ не візьме». Вот это я хорошо запомнила. И все. И их вызвали в военкомат, и всех забрали сразу.

(Молодых, да?) Да, молодые, конечно, конечно, молодые. Это меньший брат, а самый старший брат мамин он еще инвалид был.

21:00

Он близорукий, и у него глаза вот так бегали, и голова вот так шаталась. И его забрали. Он два метра впереди себя ничего не видел, он прямо немцу шел на штык, или на винтовку шел. (А как немцы вошли сюда, Вы помните? Первая встреча?) Ну, это мы уже здесь не жили, мы тогда уехали. Вот тут, когда бомбили Раздольное, мы уехали в Семеновку, и там, я ж говорю, мы сидели в окопе, а немцы подъехали на мотоцикле. Вот это я знаю, как немцы вошли. (А Вы в окопе сидели?) Ну, да. (А почему?) Это тоже бомбили. Сегодня побомбили Раздольное, а на другой день побомбили ту деревню. И вот сегодня побомбили Раздольное, а бабушка взяла и забрала нас к себе туда. Тока туда приехали, и на второй день начали бомбить то село.

22:00

И нам сказали: «В окоп давайте!». Там армия стояла русская, нас сказали – в окоп. И вот мы в окоп все спрятались и слышим, мотоцикл подъехал. Тогда этот выходит, в общем, кричит: «Век, век!» Мама выходит, он: «Солдат русский есть?» Мама говорит: «Нет, дети только». «Все в дом, - говорит, - все в дом идите!». Вот, и там гранату кинули туда. (В окоп?) В окоп, да. И мы сидели в доме уже, потом уже, когда затишье такое стало, уже немцев здесь полно было, полно немцев здесь полно было, полно немцев. Наших только выводили с амбаров, с этих, конюшен выводили. Ой, сколько! Армия такая была, Боже! Столько там солдат, я даже не представляю, сколько их там было, так много! (Немецких, да, солдат?) Наши, наши были, наши. А немцы их вели в Красноперекоеп в лагерь. Вот. Так что в лагере где-то дядя Петя, наверное, в лагере погиб, потому что он далеко не мог отойти.

23:00

(А, так это зашли немцы, и были наши солдаты?) Да. (А когда Вы вернулись в Раздольное?) А мама приехала из Евпатории, и мы вернулись. (Это еще в войну?) Ну да. (Еще в войну, да?) Да, в войну. (В войну? И уже

здесь все время были, да?) Да, уже мы никуда не уезжали. (А кто у Вас здесь стоял: немцы или румыны, или еще кто?) Румыны были, чехословаки были, и немцы. Вот трое, я знаю. Румыны добрые были, очень добрые, нам помогали. Приходили, мама даст им, там, сколько яиц, они нам принесут и тушенки, принесут нам и конфеты. Принесут, говоря: «Пусть дети кушают, пусть дети кушают». Вот кормили нас, давали нам, помогали, только чтоб немцы не знали, говорят. Они сами боялись немцев. (Да?) Да, они боялись немцев. (А немцы какие? Как себя вели?) Немцы отвратительные были, отвратительные. Немец есть немец.

24:00

Говорят, фашист есть фашист. (Чехословакии себя по-другому вели?) Ну, чехословаки обыкновенные так люди, я бы не сказала, что они были плохие. Никого не били, а немцы били наших. Детей били. Вот ребята с русскими дрались, вот, били их. Били ногами, так до полусмерти убивали. (Это солдаты немецкие?) Немецкие солдаты русских наших, не военных. (А за что?) Ну, мало ли что. Может, что-то сказал. У нас же какой язык? Не выдержишь, что-то скажешь ему, а он и даст. Я ж говорю, брата ногами били, я думала, что убьют. Мы уже кричали, кричали там, а они прямо в этом подвале давай бить ногами. Ну, он заработал. (А что он сделал?) Холодец разлили им. Поразливал. Они поналивали себе холодца, а он взял и все поперекидал.

25:00

А они украли где-то свинью, или что там, с чего они варили. И говорят, у людей воруют. Воровали и румыны. Румыны воровали страшно. Вот так неплохие были, но воровали. Это как цыгане, они воровитые. (А вот у Вас какое-то имущество, хозяйство забирали насильно?) Нет, я ж говорю, куры у нас были, такой небольшой курятничек, прямо маленький, вот такие вот маленькие дверки были, вот такие, такие дверки были. Туда ни румын, ни немец не мог залезть, тока я одна лазила, и мама еще сестренку посылала. А корову мы заводили у веранду. Корову прятали в веранде. Если бы не прятали, уворовали бы, утащили бы, голову б ей отрезали сразу. Они все

утаскивали, все. Где у кого плохо стояло, лежало, все утащили. Это румыны, да.

26:00

Жаловались, ходили наши жаловались немцам, что они тащат, еще попадала им. (От немцев, да?) Да, от немцев. (Кем, кто жаловался?) Да, говорит: «Щас поставим и здесь расстреляем». Да. (А вот Вы рассказывали еще то, что в какой-то колодец людей покидали. Вот в прошлый раз Вы рассказывали). Ну, это вот в шахту здесь вот. (А что это было такое, за случай такой?) Ну, здесь вот, больше этих евреев они туда. Ну, могли и русских, партийных кого-то туда бросали, не знаю. Но евреев точно знаю, что туда они бросали туда. Ловили и бросали. (А как они узнавали вот о евреях? Кто еврей, а кто нет?) Знают они, чего они не знают? Знают они все. Наверное, эти полицейские выдавали. Ну, кто-то ж говорил! Кто-то ж говорил, что там и там есть еврей. Кто-то знал, что за ними поехали ночью, забрали и все, и в колодец. (Ночью это делали, да?) Да, ночью.

27:00

(А засыпали потом как-то или нет?) По-моему, нет. Точно не знаю, но, по-моему, нет. (А Вы сами не видели, как евреев туда?..) Нет, сама не видела, нет. Мама нас строго-настрого предупредила, говорит: «Не ходите, бо и вас покидают туда». Засыпят или гранатами забросают. И мы не ходили туда. (А сколько там людей примерно, Вы не знаете, погибло?) Не знаю, но человек, наверное, 40-50 погибло. (Их сразу, одновременно, или частями?) Нет, постепенно. (Постепенно?) Постепенно, да. Вот слышим, сегодня, например, ну люди ж знают, сегодня ночью, говорят, там взрывали. И слышали люди крик, там недалеко люди жили, слышали крик, как они кричали. Потом взорвали, гранатами забросают и все. Вот жалко, что старожилы нет уже, таких, что вот, как моя мама. Мама моя 110 лет прожила. (Ух ты!)

28:00

99 лет она прожила, это бабушка ее 110 лет прожила. Вот. Мама, вот она и умерла в памяти в хорошей. В хорошей памяти она умерла, она бы вам все

рассказала. Но нет, она вот два года как вот, 21го числа в прошлом месяце было, умерла. (Ну, у меня прадедушке тоже 100 лет, так он молодец, все помнит хорошо). Вот и мама у меня все помнила. (А не говорили люди, за что так немцы евреев убивали?) Ну, говорили, что за предательство, а какое предательство, не знаю. Какое могло быть предательство, не имею понятия. (Вот Вы еще рассказывали, что прятали люди других, вот, кто скрывался от немцев, от расстрелов, вот, офицеров, партизан. Было такое?) Такое... Ну вот, я знаю, что солдата мы выручили, дали ему одежду.

29:00

Он тут в сарайчику сидел, он ушел в Красноперекон, и вот тем трем ребятам, которые в шахте сидели в селе. Туда кушать носили, туда перевязку им носили. Вот. Вот это я знаю. (В селе это, в Семеновке, да?) Да. (Ясно. А вот, уже помните, когда, как пришла сюда красная армия? Вот какие настроения были тогда?) У кого? (У людей, и вообще вот). Конечно, хорошее настроение. Это праздник был для нас, когда наши пришли. Это праздник был. Бегали утром, радио не во всех же было. Так вот, когда кто-то там узнал первый, что война кончилась, бегали под каждое окно до людей и кричали, стучали и кричали: «Война кончилась, война кончилась!» Вот. Так это люди все выскакивали на улицу и кричали: «Ура! Ура! Ура!»

30:00

И такая радость была вообще. Конечно, радость! Это праздник большой, когда война кончилась. (А тут были еще какие-нибудь бои или нет?) Нет, в Раздольном не было. Вот в Семеновке, я ж говорю, вот, была там перестрелка, была только, и вот воздушный бой я там видела, страшный воздушный бой каждый день, каждый день был воздушный бой. Еще мне мама, помню, костюмчик такой купила красный, ну, не красный, а темно-темно вишневый, ну как красный такой вот цвет такой. И я все в нем боялась выйти. Мама говорит, одевай, а я говорю: «Нет, не буду одевать, потому что подумают, что я флаг, и на меня, - говорю, - будут стрелять». И я не одевала его, нет, этот костюм не носила, боялась. А падали. Парашютисты прыгали, и

самолеты горели, падали. И вот смотришь, один на одного идут, прямо один в одно наши и немецкие. (Самолеты, да?) Да, идут, это, лоб в лоб. Ну, вот, разбивались.

31:00

(А какие знаки отличительные были на советских самолетах и на немецких?) На немецких кресты, а на наших были звездочки. А низко, прямо низко-низко они, это, сражались, прямо низко. Даже летчиков видно было. Почему они так низко, не знаю. У нас там стояла скирда, ну, это наши еще были здесь когда, этих еще не было, потому что сбили немецкий самолет, т этот летчик выпрыгнул с парашюта, и в сторону скирды спрятался. И вооруженный же, пистолет там, все, он отстреливался долго, потом его схватили все-таки. Привезли сюда к военным, стояла база в них, вот. То я этого летчика, я ж говорю, и сейчас бы, если б увидела, я б его узнала. Здоровенный такой, весь в ямку был, рыжий такой, рыжий-рыжий. (Немец?) Немец, да.

32:00

И все равно, его уже схватили, уже все, и все равно он кричал, что вот наши победят, наши победят. А наши кричали: «Никогда ваши не победят, никогда, - говорят, не победят». Я слышала, вот. Вот там воздушный бой очень часто был. И наши падали самолеты, и ихние падали самолеты, сбивали. (Интересно, что вот так низко летали). Низко-низко, очень низко. Я ж говорю, даже летчика можно было увидеть. Но страшно, страшно. (А где вот немцы, которые здесь были, румыны, чехословаки, где они жили? Ну, как у них казармы были или как?) Нет, квартиры были, квартиры. Квартиры, обыкновенные квартиры. Вот как вот мы живем в квартирах, так и они жили в квартирах. (Подселяли к кому-то или наоборот, жителей выселяли, а их туда заселяли?) Они считали, что это их. Они тут жили еще до нас, еще до войны жили они, жили и жили.

33:00

Так что они тут... не считали, что они... ну, это ихня земля, ихне все. Как татары щас приезжают, говорят, что это наше. Вот, какое оно ихне? Те, которых выселили, что здесь жили, были старые, их повывесляли, их уже давным-давно нет. Это уже внуки-правнуки приезжают, вот, и кричат, что это наше. Вот. Я против этого, конечно, татар я не люблю. И не любила, и не люблю. (А Вы рассказывали, что мама помогла татарке). Помогала, хлеб давала, да, давала, в окошко передавала хлеб, да еще, по-моему, масла кусочек дала ей. Помогала. (Почему в окошко?) А не выпустили, нам не разрешили выходить к ним. Под дверями у нас стоял русский солдат с автоматом. (Это когда их выселяли?) Когда выселяли, да. (А немцев, которые здесь жили, выселили до войны?) Да. (Понятно. Вот еще очень понравилась история про учителя, который прятался в скирде). Прятался в скирде.

34:00

(Да? Расскажите!) А чего? Я ж рассказала уже вам все. (Ну, вот Таня не слышала. Я ж тогда приходила с другой девочкой, которая вот сегодня не пришла). Ну, как? Это при немцах мы учились. Один класс, в одном классе три класса было: первый, второй и третий. Вот. А первый класс... Он преподавал все три класса, этот учитель. Он еврей, мы не знали в классе, что он еврей был. А потом уже, как говорят, шила в мешке не утаишь. Все равно кто-то сказал, что он еврей. Но вот он ходит на уроке быстренько раз-раз, а сам все время в окно посматривает. Мы все удивлялись, думаем, что это за учитель, что он внимания нам мало уделял, вроде бы больше он себе уделял внимания, где-то что-то увидеть, где-то что-то сделает, вот. «Вы так, дети, сидите, я щас приду».

35:00

Пойдет, может уже и перемена окончиться, а его все нету. Вот. Смотрим, немцы там где-то ходят. А он, видать, где-то какого-то немца увидит, и в скирду. Скирда с соломой у нас стояла, и курай, караем облаживали. Всю скирду кураем облаживали, чтоб не раз... (А что такое курай?) Ну, перекатиполо, может, знаете? (Растение, да, такое?) Да, колючее такое, мы

его тоже, топили этим кураем. Они большие, вот такие круги, один корень, а сам такой большой растет. И вот этим кураем мы облаживали скирду, чтоб не разгребали куры солому. Курица ж до этого курая не подходит. И вот он дырку там делал в этой скирде, вылезет, дырку закроет этим кураем, залезет, за собой затащит курай. И никто не знал, что он там в скирде. Как он еще залазил, бедный, в скирду?! Так никто не видел, что он там прячется. А потом его схватили. Схватили и увезли, и все, с концами. Мы не знаем, куда он делся. Та, расстреляли, может быть, даже в этом колодце.

36:00

(А как его схватили, помните?) Ну, я не знаю, не пришел он на урок просто, по-моему, да, по-моему, на урок он не пришел. Мы ждали-ждали, его все нет и нет. Ну, говорят, схватили. Ну, там же еще классы были старшие. Там уже наши русские были эти учителя. Нас передали другим учителям. И так и не училась я больше. Вот так вот три класса, считай, что я кончила, и все. И уже мне не до учебы было. (Потом, после войны?) Не училась. (Не учились?) Нет, я всего три класса кончила. (Ну, наверное, тогда много таких людей было?) Много было, да, много было людей. У меня... у нас просто возможности не было. Зима, холод, ходить не в чем было. Жду, покуда брат со школы придет, потом я иду в школу в его ботинках, в его фуфайке. Вот.

37:00

Приду в школу, ноги мокрые. Учитель, вот этот же еврей, печка топится соломой же, кураем топились, он меня посадит на стул, ноги вот так поставит мои к печке, и сушит мне ноги. Другому б я нада была? Вот еврей, видишь, а все-таки хороший был мужик. Высушит мне, покуда высушит мне ноги, уроки кончатся. Вот так я и училась. (И домой идти уже). И домой, да. Обрато, покуда домой дойду, обратно мокрая вся. А потом, в 47м году, отец от нас ушел, бросил. Нас пятеро, и ушел, к другой женщине ушел. У нее трое детей от троих мужей. Вот. (Вот это женщина! Нехорошая женщина, раз трое детей от троих мужей). Да, и вот туда он ушел и уехал в Кировоград. 47й год, голод обратно был.

38:00

Вы знаете, что был голод? (Да, да). Был голод, нас пятеро, дома не было, дома не было у нас. Дом тот забрали, отец взял план, мы начали строиться, на Красноармейской мы строились. Ну, стены выгнули с колыба. Вы знаете, что такое колыб? (У-у). Это земляной камень. Лепили мы сами: солома, глина. Лепили, выливали в такие ящички, как камень величиной, как камень. Вот так. Сохнет, потом с него мы ложили вот этот дом. Без потолка, одна только крыша была вот такая. Окон не было, дверей не было. Жуть! Аж мурашки. Вот. И он ушел от нас. Мама болела, у мамы было с сердце что-то неважно, ишемия, что-то такое. И она болела, постоянно вызывали врача до мамы. Работать некому было.

39:00

Я пошла коров пасть, в поле 50 коров, и я одна. Бегала вокруг тех коров, бегаю, бегаю, приду, какой мне гулять было? Я бегом покушала б что-нибудь, да и легла б отдыхать. Потом заболела, начали у меня ноги такие вот пухнуть, коленки начали пухнуть. Вот. Мама тогда уже кинулась до врачей, ничего врачи эти не помогают. Какая-то женщина мне сказала, маме сказала, говорит: «Лида, возьми ячневую солому, положи на лежанку, слей лежанку водой, положи солому, ватное одеяло, натри ее, - говорит,- закутай, и так керосином всю, положи, - говорит, - закутай, и положи». То мама меня натерла, коленки, ноги натерла, закутала меня в это одеяло, и я кричала, наверное, сутки. (Жгло?) Оно жгло так, да. Вот. Зато встала, ни опухолей тебе, ничего. И по сегодняшний день у меня ноги не болят, слава Богу! А так думала, что погибнуть ногам. Красные такие, аж блестели у меня ноги, так болели сильно.

40:00

Вот так и жили. А потом мама пошла на работу, грузчикам возила камень. Две женщины это было: Головоп... Рая... Шура-Шура Головопша, она и мама возили камень. Днем камень возят, а ночью сторожуют, чтоб нас прокормить. Брат уже старший в армию ушел. Младший был Данька, Алешка

был, я была и Мила – нас четверо осталось. Вот. Достроили тот домик, поставили двери, поставили окна, там и жили. А он как уехал, так и не вернулся. Просился у мамы, просился. (Назад?) Да. Просился, я ездила. Уже у меня Костя был сын, я ездила к нему. Говорю: «Мам, поеду я». А она говорит: «Доця, на шо воно тобі надо? Он вас бросив маленькими, когда не надо вам было, ему вы не надо были, не едь». Я говорю: «Мама, поеду. Поеду, посмотрю хоть, как он, какой он хоть есть». Ну, я приехала, я его не узнала.

41:00

Он сидел – Кощей Бессмертный под стенкой, так под грубой. Худой такой, страшный, и мне говорит: «Маша, приедешь домой, поговори с мамой, если она меня только примет, я в тот же день вернусь, когда только сообщите мне». Я маме сказала, мама говорит: «Нет, не надо он мне, я стоко пережила, тебя чуть не потеряла, чуть не угробила этой работой, - говорит, - нет, не надо он мне. Ушел, пусть там живет». Так там он и умер. Даже не знаю, где могила его. Не ездили. (А мама Ваша здесь?) А мама здесь умерла. Два года уже было, вот 21го числа. (В таком возрасте, да?) Да, 99 лет, а ее мама прожила 110 лет. И вот она уже чувствовала, чувствовала, наверное, что она умрет, она все просила: «Дочечка, ну похорони меня тут, в огороде». Я говорю: «Мам, ну не разрешат, не разрешат, - я говорю, - не хочу даже об этом говорить. Кто это разрешит?

42:00

Вот тут четырехэтажка, вот тут двухэтажка, и будет памятник стоять в огороде. Мам, - говорю, - это ж не каждому приятно». Она: «Ну тогда похоронить мене возле мамы моей». Так мы вручную яму копали там. Похоронили рядышком, уже памятник поставили ей. (А во время войны Ваша мама кем работала?) Уборщицей работала. (Уборщицей? А где?) Был такой... была такая организация уполмензах. Что это за организация?.. (Да, расскажите). Не знаю, что это за организация. Уполмензах какой-то. (А это чья организация была?) Как? (Немецкая?) Нет, наша. (Во время войны?) А,

во время войны! Во время войны она на разных работах работала. Это она до войны работала. А у войну она работала на разных работах. Где была, там и работала. Вот. (Вы говорите, когда убивали евреев, мама не разрешала Вам выходить?)

43:00

Нет, не разрешала. Она туда, туда ходить смотреть не разрешала. (Ааа, смотреть не разрешала!) Да, не разрешала. Нет-нет-нет, она нас вечером, это как закон, всегда садится и говорит: «Дети, туда не ходите, то никому ничего не говорите. Вы видели? – Нет, не видели. Вы слышали? – Нет, не слышали. Вот нигде языком своим ничего не болтните, потому что поставят вот так, - говорит, - и всех порасстреляют». Так что, мы были очень осторожны. (Страшно, конечно). Мы боялись. Там слышали, слышали вот, где лесополоса... Там лесополосы, наверное, уже и нету. Нет, нету уже. В лесополосе там могилки были, крестики стояли. Потом, там в поле могилка еще была. Вот. Вывозили, там расстреливали. Выходили люди, там прямо зарывали. (Это людей забирали вот из поселка?) Да. Вот везут, там расстреляют и все, бросили, а утром ты посмотришь, уже могилка. Ночью вырвали могилку, ставили кресты, и все.

44:00

Кто зарывал, даже никто и не знает. (А за что их так вот забирали?) Кто знает, за что их брали? Не знаю. Партийные. (Партийные и евреи, да, Вы говорили?) А евреев в колодце, это, расстреливали. Их бросали в шахту. (А кого? Выбирали – мужчины, женщины, дети?) Всех подряд, всех подряд. (А вот, если были от смешанных браков дети?) Не знаю. (Не слышали? Мама ничего не говорила?) Ничего не говорила, нет. У нас здесь евреев, по-моему, немного было у нас в Раздольном. Может, несколько семей всего было. Ну, они удрали все. все убежали. (Убежали?) Да, вот Чернячка тогда ж тоже так убежала. А война тока кончилась, сразу приехала. (А еще каких-то, может, помните?) Нет, не помню. Больше нет. (Только Чернячка, да?) Да.

45:00

(А вот эти вот все евреи в эвакуации где-то находились, потом вернулись?) Не знаю, куда уезжали. (Она не рассказывала, где жили?) Нет-нет. Чернычка это такая была в нас! ООо! Он хороший дядька был, а она была вредная женщина, очень вредная. У нее двое детей было. Исак... этот, Зяма и Фая. (Они были младше или старше Вас?) Старше были, старше. (Намного?) Ну, может быть, лет на 10. Вот так где-то старше. (А Вы с ними не играли?) Нет-нет. (Так, если, Вы говорите, что отсюда почти все евреи уехали, а... или остались все-таки, что... которых так...) Не, ну, наверное, в селах пооставались. Привозили из сел. (А, из сел привозили). Конечно, из сел привозили, да. Из сел привозили. Говорили, говорили. Вот приезжают же люди, съезжались и говорили, что вот в нас забрали того-то, того-то забрали. Того-то ночью забрали, и не вернулся, того забрали, не вернулся.

46:00

Расстреливали, расстреливали немцы. (А вот, что сейчас вот на том месте, вот на том колодце, где евреев убивали) А вы не ходили туда? (Нет, мы все-таки не успели туда сходить). Там башня стоит, там воду качают, в Раздольном воду качают. Башня стоит. (А памятник никакой не поставили людям?) Нет. (Вот Вы помните, там, в лесополосе что-то стояло?) Могилки, могилки просто земляные. (Могилки были?) Да. (А с этим местом что было? Там же людей убили). Ничего, не знаю, никто ничего. Все тихо, лито. (Ну, Вы знаете, когда мы нашим организаторам рассказали вот эту историю, они очень захотели вот туда поехать и, возможно, поднять вопрос о том, что... Ну, я не знаю, где-то там поднять вопрос о том, чтобы поставили там таки памятник. Вот. Хотели Вас спросить, может быть, Вы согласитесь, если ну, Вам, может быть тяжело, Вы сказали, это далеко, или не очень? Вот показать это место. Да, вот если б мы попросим там такси, они вызовут, чтоб поехать).

47:00

Нет, я никуда не поеду. (Не поедите?) Вы сами поедите и посмотрите, я не поеду. (Мы же не знаем, как это место найти). На Башенной. Улица Башенная. Прямо башня, на этом месте стоит башня. Ну, может быть, она не

на том месте стоит, может, чуть рядом ее поставили, не знаю. Там тысячу лет уже не была. (А от колодца ничего не осталось?) Тоже не знаю, не знаю я. (То есть, там был колодец?) Там была шахта. (Шахта?) Да, вот выложенная с камня, такая вот она. Туда глубоко, 18 метров, может быть, даже и 20 метров, там стоял насос, качали воду. Вот в ту шахту, бросали туда людей. Да, все говорили, все Раздольное говорило. Видеть я не видела, но все говорили, все буквально говорили, вот эта Тамара, переводчица, говорила, что расстреливали там столько-то человек, там скоко-то человек бросили, там скоко-то.

48:00

Вот расстреливали. Ну, гранатами забрасывали, говорят. Я сама не видела, не буду говорить, но слышала, тогда все Раздольное говорило. Тогда не такое ж Раздольное было большое. Вообще токо центральная была улица, Гоголя была и вот сюда, и все. а сейчас вон какое расстроилось! (А что вот с Тамарой-переводчицей после войны случилось?) А она удрала. Когда наши... Она узнала, что сегодня должны наши отступить, и она ночью сбежала. Ну, наверное, к партизанам ушла, потому что она работала на партизан. (Это, по моему, Вы про нее в прошлый раз рассказывали, что она помогала, предупреждала о чем-то, да?) Да, что в Германию будут забирать. (А кто она сама, Тамара, была? Ну, до войны кем она была?) Она приезжая, она не наша была, не раздольненская. Я не знаю. Такая маленькая ростом, вот как сейчас я ее вижу, горбатенькая, вот, маленькая ростом, и она вот то у немцев работала переводчицей. Вот. Но она работала на наших, потому что она все знала.

49:00

Она приходила к нам и говорила: «Лида, прячь сегодня детей, чтоб не подымались. Куда можешь, и под кровать, под стол, куда хочешь, их ложи, потому что могут и стрелять, и все, что хочешь. Будут наши сегодня, это, ну как, передовики, передовая, - говорит, - будут идти. Они, - говорит, - ни с чем не будут считаться». (Это немецкая армия?) Наша, наша уже. (А, наша

армия?) Да, это уже наша армия шла. И вот утром мы встали, то увидели два или три человека в черных кожанках, ну, гражданские такие кожанки черные, вот. А немцы уже отступили, немцы уже удрали. Вот. Потом смотрим, еще появились, еще появились, потом наши появились солдаты. Так они и зашли тихонько-тихонько, не стреляли здесь, нет. (То есть, Тамара еще, я не совсем поняла, при немцах еще была, да?)

50:00

Ну, вот сегодня она была, она нас вечером предупредила ,вот, а утром ее уже не стало. (Это когда кто входил?) Наши. (Наши, да?) Да. (Она предупредила, что передовые части красной армии тоже могут стрелять?) Да, она знала. (А что, было такое?) Ну, конечно, было. (А кого они стреляли?) Ну, немцев. На немцев же они перли, немцев же перли. Немцы же тут ушли спокойно, и они не отстреливались. Я ж говорю, у них пушки были, поставили, где вот сейчас рынок, вот здесь у них база была. Бочки с оружием, это, с горючим были у них, то мы думали, что они взорвут эти бочки, и все. Но они не успели. Их так поперли быстро, что они не успели. Вот. И пушки поставили здесь, на Раздольное, и с той стороны на Раздольное поставили на Раздольное. Они, видать, хотели Раздольное разбомбить, разбить, но не получилось у них ничего. Они быстренько-быстренько, они уехали.

51:00

(А еще раз, эта улица Башенная, это вот там вот?) Это в ту сторону, вот так вот туда. (Сюда?) Да-да. Вот прямо по Школьной как будете идти. (Школьная? Пиши, Школьная. По улице Школьной идти, потом...) Вот, где школа, да. До школы дойти, и так школу пройти первую, вторую. И там недалеко, вы даже увидите ее, Башенную. (И там сейчас башня стоит где-то рядом?) Башня стоит, да. (А как, какие-то знаки еще отличительные той местности, нету?) Нет, не знаю я, не знаю. Я не знаю, почему так. (А после войны там расследовали вот эти преступления, что там людей убили? Какие-то памятники поставить, нет? Не было такой идеи?) Памятники не ставили,

нет, я знаю, что не ставили памятники. А, наверное ж, знали. А чего, я не знаю, чего так. Не знаю. (Интересные очень рассказы. Да, мы попробуем найти, конечно, сами это место. Жалко, что Вы не можете показать).

52:00

Нет, у меня так нога болит, я не могу ходить, и я на два дома, можно сказать, что на три дома. У меня еще невестка умерла, брата жена. У нас так: у сестры муж умер, потом мама умерла через три месяца, потом через полгода жена брата умерла. Вот. А вон каждый день газ, сын тоже у него там такой, как папа, хоть он родной брат, я не скрываю. Вот. Так я туда два раза на день мотаюсь, до сестры еду, там надо хозяйство, там управляться надо, и дома. Так я вот как эта хожу, как чучка, видите, хожу, даже некогда одеться. На велосипед и бегом туда поехала. Там что-нибудь сделала, накормила. Щас вот надо ехать закрывать, закрывать птицу всю. (Вот еще хочу спросить чуть, а были у вас партизаны где-то здесь рядом?) Были. У нас в одном дворе жил этот, Ремгелов, в одном доме даже мы жили.

53:00

Вот коридор на два хозяина был. С правой стороны он жил, с левой стороны мы жили. Вот он был партизан. Потом... (Во время войны?) Во время войны. (Он уходил к партизанам?) Ну, они какую-то связь имели, ну, никто ж это не знает. (А, он жил в селе и был связан с партизанами?) Ну да. Да-да. Он тоже нам часто... Он с отцом дружил, и мы ж в одном коридоре жили, и он тоже часто-часто нас предупреждал, что: «Лида, детей сегодня никуда не пускай, там будет перестрелка, и все». И ночью слышим только: тю-тю-тю, тю-тю-тю – пули свистят. Вот. Было так, девочки, было. (А многие люди все-таки из местных на сторону немцев перешли?) Ну, вот я ж говорю, Беляев, Ольшанский, Черныш, вот этот Думбровский и Иванов.

54:00

Я знаю пять человек. (А вот Ольшанский, что за человек был? До войны кем был? И как себя вел?) Конюхом, конюхом работал, конюхом работал до войны. И в немцев работал конюхом, а потом перешел, это, в полицаи. Вот.

Ну, тоже ему дали 10 лет, он отсидел свои 10 лет. Беляеву дали 10 лет. Тоже отсидел он свои 10 лет. Чернышу дали 10 лет, ну он не вернулся. Не знаю, где он делся, он не вернулся. Думбровского повесили. Иванов этот тоже был полицей, но, говорят, что он работал на своих. Вот. Нам же никто точно не скажет. (Ну да). А раз его не судили, и вот, значит, он работал на своих. (А вот эти вот, которые отсидели 10 лет, они вернулись потом в Раздольное?) Да. (Кроме Черныша?) Да, кроме Черныша. (И нормально к ним люди относились? Как относились после всего того, что?..) Нормально, нормально относились. Ну, все его шептали, что предатель, и что фашисты. Их фашистами называли.

55:00

А никто им зла не делал. Никакого зла им никто не делал. А этого Черныша дочка, так она говорила, взрослая такая девочка была, танцевала с немцами и говорит: «Вот с немцем приятно танцевать, он пахнет, а русские, - говорит, - лошадиным потом пахнут». Да, вот такие вот, такие вот скоты были. (А были тут танцы немецкие? Немцы устраивали танцы?) Устраивали танцы, да, устраивали. (И местные девчата ходили?) Ходили. (Много?) Та нет, не было у нас так много. Ну, у нас маленькое здесь село было, это шас большое, а тогда маленькое село было. Боялись ходить. Ну, этих вот полицейских дочки ходили. (Дочки полицейских, да?) Да. (А вот Ольшанский, что о нем люди говорили? Злой был или добрый? Как он к своим относился?) Нет, ну говорили, что добрый. Говорят, что он не злой был, добрый. И вот он уже умер, его шас уже нету, вот. И никогда о нем плохо никто не говорил.

56:00

Вот о Беляеве говорили, что Беляев был жестокий и этот Думбровский, а этот нет, Ольшанский не был такой злой. (И вот интересно, как же он так хорошо относился к людям, как же он стал полицаем тогда, полицейским? Ничего не рассказывали?) У-у. (Он сам пошел или его заставили? Может быть, его заставили, не слышали?) Может, его заставили, я не знаю. Он же

работал у них конюхом. Может быть, они его заставили. (А вот какие функции были у полицейских? Что они делали? Чем они здесь занимались?) Выслушивали, где, что говорит, потом выдавали. (А старосты были?) Даже не знаю. Ну, старостов, по-моему, у них не было. Нет, не знаю. (А вот помните, как выселяли крымских татар, да? Да, помните? А после того, как выселили крымских татар, как-то изменилось население в Раздольном?)

57:00

Та нет, как оно могло измениться? (Ну, кто-то на их место прибыл? Прибыли новые переселенцы?) Ну, позанимали квартиры, конечно, ихние квартиры. Сразу, когда их выслали, их ночью выслали, в 12 часов ночи, а утром уже подъехали машины. Я даже не знаю, чьи это были машины. Брички подъезжали, грузили все вещи, куда-то вывозили. Куда, кто их брал, кому они нужны были? (Татарские, да?) Татарские, да, а потом забирали все. у этого Оль... Как его? Халиляева, он работал в загодконторе заведующим, он заготовливал мех, вот эти каракули. Так у него целую бричку нагрузили этих каракулевых, целую бричку, натаскал себе столько! И вот все на чердаке у него было.

58:00

Все зашито, в мешках все. И вот погрузили на бричку и вывезли. А куда они его вывезли, кому? Кто забрал его? Я ничего не знаю. А в этой Эмировой, она бедненько жила, у нее ничего вещей таких, мебели у нее не было никакой. Токо с дочкой она жила и все. (Как? Совсем без мебели?) Ну, вот кровать, какой-то шкафчик стоял у нее и все. у нее не было совершенно. (Это та, что врач?) Да, врач. Она терапевтом была. (Интересно. Спасибо, спасибо большое). Да не за что, девочки. (А мы фамилию Вашу не спросили). Тынянко. (Тынянко. Это Ваша замужем?) Да. (А девичья?) Рыбальченко. (Рыбальченко, да?) Да, Рыбальченко. (Спасибо большое. А Ваши предки с Херсонщины?) Да. (Фамилия херсонская, да?) Херсонская, да. (Спасибо. Можно мы Вас еще сфотографируем?) Та не надо, зачем вы будете?